

кие топографии города // Культуры городов российской империи на рубеже XIX–XX веков: Междунар. коллоквиум: Научные доклады. СПб., 2004. С. 200–221.

³² Эта тема нашла отражение как в обширной мемуарной литературе, так и в новейших исследованиях. См.: *Колоницкий Б. И.* 1) Погоды и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001;

2) Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции. СПб., 2001. С. 162–197.

³³ РГАВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 220. Л. 22.

³⁴ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 20 апр.

³⁵ Там же.

А. Н. Чистиков

БУДУЩИЕ УПРАВЛЕНЦЫ: СТУДЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ТОВ. ЗИНОВЬЕВА в 1920-е гг.

Расстановка своих сторонников на руководящие посты в органах власти и управления стала для большевистской партии с Октября 1917 г. ключевой задачей. Это гарантировало обладание властью и облегчало распространение коммунистической идеологии в стране. Старые управленцы не были надежной опорой нового режима, поэтому с самого начала большевики обратили пристальное внимание на создание собственных кадров, в частности через сеть партийных учебных заведений.

Советские историки обращались к этой теме при изучении как общих вопросов партийного строительства, так и конкретной истории разных типов партийных учебных заведений¹ и были единодушны в главном: эти заведения дали «многочисленную и квалифицированную армию партийных и советских работников»² из рабочих и крестьян.

Высшее место в структуре партийных учебных заведений занимали коммунистические университеты. Возникшие в большинстве своем в начале 1920-х гг., они явились, по признанию современников, главным резервом выдвижения работников.³ Выпускники комуниверситетов направлялись на руководящие должности в государственные, партийные, профсоюзные, хозяйственные и иные органы и организации. Что представляли собой будущие руководители? На кого опиралась центральная власть в годы первых пятилеток, индустриализации, коллективизации и большого террора?

В какой-то степени ответ на эти вопросы можно получить при изучении материалов Петроградского коммунистического университета им. тов. Зиновьева (Ленинградского коммунистического университета) первой половины—середины 1920-х гг., времени, когда шло становление системы подготовки и воспитания кадров.

Зиновьевский университет, как его порой называли в обиходе, вел начало от инструкторской школы, основанной по инициативе заведующей иногородним отделом при исполкоме Союза коммун Северной области С. Н. Равич в 1918 г. Вскоре после открытия школа стала называться Первым рабоче-крестьянским университетом им. тов. Зиновьева и до начала 1921 г. успела сделать несколько выпусков «зиновьевцев».

Новый этап в развитии университета наступил в 1921 г., когда его реорганизовали по типу московского Коммунистического университета им. Свердлова (Свердловского

университета). Видимо, одним из первых шагов в этом направлении стало постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 4 февраля 1921 г. о командировании 10 студентов лекторской группы и сотрудника Свердловского университета С. И. Канатчикова для работы в Петроградском комвузе.⁴ 12 мая в Доме Совета под председательством В. И. Невского в присутствии Г. Е. Зиновьева и при участии пяти представителей Свердловского университета во главе с зав. учебной частью З. Н. Гайдебуровой состоялось организационное собрание. Было решено продолжить летом обучение лекторской группы, слушатели которой осенью, не прекращая своих занятий, одновременно стали бы руководителями кружковых занятий, проводимых с новым составом студентов.

В первые два года набор в университет шел весьма интенсивно. Было принято 2052 человека на восьмимесячные (первого созыва) и годовые (второго созыва) краткосрочные курсы, в восьмимесячную подготовительную группу и на два трехгодичных (долгосрочных) курса первого и второго созывов. Наличие краткосрочных курсов можно объяснить необходимостью срочно подготовить более или менее квалифицированные кадры для расширяющихся партийного и советского аппаратов, для профсоюзных, хозяйственных и иных органов. Переход с 1922 г. к трехгодичному обучению знаменовал собой новый этап. Наступило время задуматься о долгосрочной перспективе, ибо краткосрочные курсы могли дать и кратковременный эффект «затыкания дыр». Поэтому с января 1922 г. был установлен трехгодичный срок обучения, а требования при приеме повышены. На улучшение качества подготовки нацеливал и циркуляр ЦК РКП(б) и Главполитпросвета от 16 февраля 1922 г. о сокращении числа советско-партийных школ. На практике, как отмечает Л. С. Леонова, это привело к снижению численности курсантов, а не школ.⁵ Действительно, и в Петроградский (Ленинградский) комвуз в 1923–1926 гг. было принято всего 796 человек.

С самого начала Зиновьевский университет был сориентирован на прием во всероссийском (всесоюзном) масштабе. 10 ноября 1921 г. Северо-Западное бюро ЦК (СЗБ) постановило принимать слушателей и из других губерний, так как «вмещается больше, чем нужно для области»,⁶ т. е. для Мурманской, Новгородской, Петроградской, Псковской, Череповецкой губерний и Карелии. 2 декабря членам СЗБ было доложено, что ЦК положительно отнесся к просьбе Бюро, превратил университет в областной и предоставил 60–100 мест для обучения в нем посланцам Урала и Сибири.⁷ Возможно, тогда это было сделано из-за отсутствия в этих регионах собственных комвузов. Но и впоследствии, как показывают источники, Коммунистический университет им. тов. Зиновьева оставался кузницей управленцев для всей России и СССР, ибо обладал лучшими по сравнению с другими регионами преподавательскими кадрами. Исключение составлял лишь Свердловский университет, считавшийся первым по значимости партийным вузом. Это подчеркивалось разными способами, в том числе и такими, которые можно отнести к разряду курьезных. Так, в отчете СЗБ за ноябрь 1922 г. указывалось, что в октябре в Университет им. тов. Зиновьева было принято 165 человек: 50 — из Университета трудящихся Востока, остальные — кто по каким-то причинам не поступил в Университет им. Свердлова.⁸

Кто же становился слушателем Зиновьевского университета? Ответ на этот вопрос дают имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о социальном положении, уровне образования, партийности и принадлежности к полу 2848 студентов, принятых в 1921–1926 гг. на долгосрочные курсы семи созывов, два краткосрочных курса, а также

в подготовительную и лекторскую группы. Они приводятся в статье И. Вавилина в сборнике, изданном в 1926 г.

Таблица 1

Социальный состав студентов (%)⁹

Название курсов	Рабочие	Крестьяне	Служащие и прочие
Лекторская группа	44.87	18.9	36.23
Краткосрочный курс 1-го созыва	48.9	21.2	29.8
Краткосрочный курс 2-го созыва	47.6	35.0	17.3
Подготовительная группа	43.17	41.57	15.26
Трехгодичный курс 1-го созыва	63.49	15.96	20.55
Трехгодичный курс 2-го созыва	52.57	27.77	19.66
Трехгодичный курс 3-го и 4-го созывов	56.9	14.8	28.2
Трехгодичный курс 5-го созыва	66.6	21.8	11.6
Трехгодичный курс 6-го созыва	57.1	21.3	21.6
Трехгодичный курс 7-го созыва	64.4	22.6	13.0

Прежде всего бросается в глаза непомерно большое число служащих и «прочих»¹⁰ в составе лекторской группы. Объяснение простое — их набирали как будущих преподавателей, поэтому одним из важных критериев был уровень образования, который у этих категорий был выше, чем у рабочих и служащих. Действительно, в лекторской группе законченное или незаконченное среднее образование имели 26% слушателей, низшее — 74%. На других курсах процент имевших среднее образование колебался от 4.2% (подготовительная группа и «трехгодичники» 7-го созыва) до 16.5% («трехгодичники» 6-го созыва). Подавляющее большинство имело низшее образование, вполне удовлетворяя одному из требований для поступления в коммунистические университеты: наличию элементарной грамотности. Естественно, учебные курсы и программы строились с учетом этого фактора, и слушатели изучали не только общественные дисциплины, но и общеобразовательные предметы.

Второй существенный момент — резкое повышение доли рабочих на долгосрочных курсах. Это достигалось исключительно анкетным способом, рабочие имели преимущество при зачислении. Однако И. Вавилин, анализируя эти данные, высказывался за дальнейшее увеличение приема рабочих, ибо группа прочих «все еще составляет слишком большую долю». Как видно из табл. 1, «большая доля» колебалась от 11.6% до 29.8% (исключая лекторскую группу). Выявить какую-либо закономерность в этих колебаниях невозможно, но важно другое: несмотря на предварительный целевой (в социальном плане, в частности) отбор кандидатов в рабоче-крестьянский университет, в него приходилось принимать значительное число нерабочих и некрестьян. Действительность диктовала свои условия. Добавим, что эти слушатели отрицательно влияли на статистику руководящих кадров, среди которых, по определению партийной верхушки, должны были преобладать представители рабочих и крестьян. Но руководство все больше «разбавлялось» служащими, и одним из каналов их проникновения во власть было обучение в университете.

Если поток служащих ограничить было невероятно трудно, то с беспартийностью справиться оказалось легче. По данным И. Вавилина, начиная со второго созыва (осень 1922 г.) на трехгодичных курсах беспартийных не числилось вообще. Более того, на них принимали слушателей, имевших не менее трех лет партийного стажа. С. Драницын утверждал, что в этом году было принято специальное решение о запрещении принимать в Зиновьевский университет беспартийных.¹¹ Однако Л. С. Леонова, опираясь на сведения, отложившиеся в архивном фонде партийной организации комвуза, пишет о наличии на 1 октября 1924 г. среди «зиновьевцев» 1.2% беспартийных.¹² Так что исключения из правила все же делались.

Вместе с тем налицо тенденция не просто к увеличению числа коммунистов среди слушателей университета, но к росту численности партийцев со стажем. И то и другое вызывалось тем, что подавляющее большинство выпускников долгосрочных курсов направлялись в партийную сферу, и это само по себе подразумевало партийность будущего чиновника. Тем показательнее, что и в иные области деятельности: на советскую, профессиональную, хозяйственную работу стремились направлять также коммунистов. И в этом отношении 1922 г. оказывался рубежным.

Нельзя забывать о том, что в рядах партии или комсомола оказывались все служащие, которые обучались на трехгодичных курсах со второго созыва. Таким образом, во власть приходили не просто служащие, а служащие-коммунисты.

Наличие трехлетнего партийного стажа как условия для поступления соблюдалось не всегда. Это хорошо видно из данных, приводимых И. Вавилиным. Среди «трехгодичников» первого созыва, принятых в мае 1922 г., 22.5% стали коммунистами в 1920 г., а 3.7% — в 1921 г. Среди студентов 6-го созыва, начавших обучение в сентябре 1925 г., было 5.1% членов партии с 1923 г. и 2.9% — с 1924 г. Для других созывов картина аналогичная, разница только в процентном отношении. Возможное объяснение, на мой взгляд, в том, что в течение учебы состав студентов менялся, и на курсы приходили более молодые коммунисты, для которых делалось исключение. Поэтому в процентном отношении их было немного.

Мало было и членов партии с дореволюционным стажем, а основной костяк составляли коммунисты с 1919–1920 гг.: от 44.5% до 64.5%. То, что они стали большевиками в период гражданской войны, сказывалось на их мировоззрении и методах руководства в тех сферах деятельности, в которых они работали после окончания университета.

Формировалась среди студентов Ленинградского комвуза и следующая по возрасту партийная группа. В первых созывах «трехгодичников» «нэповские» коммунисты составляли малую толику, зато среди поступивших осенью 1925 г. их было 20.5%, а осенью 1926 г. — 37.3%. Реальную власть они получили уже в 30-е гг. Впрочем, следует учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, влияние новой экономической политики на формирование мировоззрения «нэповских» коммунистов было не только положительным, но и отрицательным. Во-вторых, они становились членами партии в период дискуссий, уклонов и тому подобных явлений, и им изначально приходилось вырабатывать определенную линию поведения. Одни искренне пытались разобраться во всех хитросплетениях верхушечной борьбы, другие учились подстраиваться под колебания «генеральной линии партии».

Что касается пола, то подавляющее большинство курсантов составляли мужчины, женщин же на долгосрочных курсах насчитывалось от 5.2% до 16.6% (в среднем — около 10.5%). Профессия руководителя по-прежнему оставалась мужской.

В целом статистические данные рисуют тот образ студента комвуза, который ожидало видеть руководство партии и для создания которого предпринимались конкретные административные меры. Благодаря условиям приема в университете преобладали мужчины средних лет, имеющие небольшой партийный стаж, низшее образование и рабочее происхождение. Однако те отклонения от этого «идеала», которые мы отметили (особенно наличие значительной группы служащих и «прочих»), нельзя игнорировать, ибо они также сказывались в будущей работе.

Некоторые оценки будущих руководителей, в том числе и их психологические характеристики, содержат материалы распределения «зиновьевцев». Своих выпускников университет направлял в различные регионы СССР, не ограничиваясь Северо-Западом. В связи с этим в комиссию по распределению ЦК направлял своего уполномоченного. Сообщая об этом в июне 1922 г., накануне распределения краткосрочного курса первого созыва, секретарь ЦК В. В. Куйбышев в телеграмме указывал, что при распределении надо иметь в виду готовящуюся очередную плановую переброску «на окраины для укрепления губкомов ответственными работниками».¹³ Такие переброски партийных работников проводились уже не раз, начиная с 1920 г.

Стоит обратить внимание на то, что Куйбышев приравнял выпускников университета к ответственным работникам. Сотрудники агитпропотдела СЗБ, подготовившие отчет о своей деятельности за ноябрь 1921—июнь 1922 г., конкретизировали это определение. Одним из факторов успешной работы они считали «вливание в область свежих подготовленных работников губернского масштаба», имея в виду выпускников Зиновьевского университета.¹⁴ Таким образом, определялась планка и подготовки, и распределения. Правда, не всегда эта планка теоретически и практически совпадала. В отчете СЗБ за июль 1922 г. отмечено, что из 163 распределенных выпускников упомянутого выше курса краткосрочников, «активными и вполне подготовленными работниками можно считать 30–35 человек (22%) — преимущественно по парт[ийной] и хоз[яйственной] линии».¹⁵ Тем не менее, по-видимому, все они получили назначение. Во всяком случае 139 выпускников обрели новые должности: 84 были отправлены в распоряжение Петроградского, 22 — Псковского и Новгородского губкомов. В профорганы ушли 11 человек, в хозяйственные — тоже 11 «наиболее сильных и подготовленных». И столько же — 11 (в том числе 7 «хорошо подготовленных») — получили комсомольские должности. Через месяц 6 «зиновьевцев» уехали по дополнительному распределению в Мурманскую губернию. Здесь надо обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в основном выпускники комвуза пополнили ряды управленцев губерний Северо-Запада. Во-вторых, треть из «вполне подготовленных» была «брошена» на хозяйственные должности. Позже акцент сместится в сторону сугубо партийной работы, а география распределения существенно расширится.

Весной—летом 1924 г. через учетно-распределительный отдел Бюро прошли 139 выпускников (65 — из лекторской группы, 74 — из досрочного выпуска) и 7 студентов-практикантов. Все они получили назначения «от ЦК до Якутской области». Точное число выпускников, уехавших в Северо-Западные губернии, неизвестно, но в общей массе их было уже меньше, чем раньше. Действительно, за апрель—июнь 1924 г. учетно-распределительный отдел направил в Ленинградскую, Мурманскую, Псковскую, Череповецкую губернии и Карелию всего 73 коммуниста,¹⁶ и к тому же не все из них были бывшими студентами Университета им. Зиновьева. Тем не менее подчеркивалось в

отчете о работе СЗБ, выпускники комвуза вместе с партактивом составляют «руководительские кадры» в городах Северо-Западных губерний.

Дефицит руководящих кадров оставался, что приводило к принятию порой необычных решений. 6 июня 1924 г. бюро Ленинградского губкома обязало исключенных из Зиновьевского университета в результате чистки студентов прибыть в орготдел СЗБ ЦК, чтобы «нужные для работы в Ленинграде товарищи были направлены в распоряжение Л[енинградского] К[омитета], остальных — в те губкомы, откуда были присланы». ¹⁷ Таким образом, наказание не предусматривало каких-либо административных мер и возможно даже отлучения от руководящей работы.

Другое решение, объясняемое недостатком управленцев, было принято также в эти дни. 20 мая из СЗБ в ЦК ушел запрос с пометой «срочно»: что делать с выпускниками лекторской группы В. А. Муравьевым и Е. М. Фрумкиной, распределенными в Вотский обком и Брянский губком. Губернская контрольная комиссия и комиссия по очистке партии выявили у Муравьева «мещанский уклон и партневыдержанность», а у Фрумкиной «отсутствие политических знаний в вопросах советского строительства». Со своей стороны СЗБ предлагало оставить их «для работы в пролетарском центре Ленинграда на предмет проверки и исправления» ¹⁸ недостатков. ЦК согласился с мнением Северо-Западного бюро.

Более подробно процесс распределения можно изучить по документам 1925–1926 гг. В 1925 г. было два выпуска: первый в начале лета, когда выпускались 133 студента долгосрочного курса 1-го созыва. Из них пятеро оставались в университете «для усиления аппарата», еще пятеро уезжали в Якутск по распоряжению ЦК. Таким образом, к общему распределению пришли 123 студента: 13 молодых людей 1902 г. рождения через ЦК направлялись в Красную Армию, 25 — в распоряжение СЗБ и Ленгубкома, а остальные 85 — в распоряжение ЦК РКП(б). География выпускников уже традиционно была обширной: Севкрайком, Сиббюро, Астраханская, Вятская, Курская, Пензенская, Орловская, Сталинградская, Тверская и другие губернии. Однако посты им были приготовлены не слишком значительные. В протоколе комиссии по предварительному распределению указывалось, что им предлагается «деревенская низовая работа», агитационно-пропагандистская или организационная работа в провинции, работа в деревенских пропгруппах ЦК РКП(б). ¹⁹ Это весьма показательно. Первый «бюрократический голод» был утолен. Губернский и уездный (в основном) уровни власти были заполнены, и требовалось укрепление низового звена. Наступал новый этап формирования бюрократического аппарата.

Второе распределение — долгосрочного курса 2-го созыва — состоялось в конце 1925 г. 12 ноября секретарь СЗБ И. М. Москвин направил запрос в ЦК — «дать указания (о) порядке распределения». К этому времени пятерых студентов уже ждали в полпредстве ОГПУ в Ленинградском военном округе, где их собирались назначить на ответственные должности. Спустя неделю пришел ответ от заместителя заворграспредотделом ЦК Козлова с предложением представить сначала характеристики выпускников, после чего ЦК обещал прислать разнарядку. 4 декабря 137 характеристик поступили в СЗБ. ²⁰ Они были построены по одной схеме: фамилия, имя, отчество; партийная поддержка; область рекомендуемой работы.

При анализе этих характеристик выясняется, что нередко выпускников рекомендовали сразу на несколько участков работы, поэтому из 133 студентов (четверо уже работа-

ли к этому времени в университете и не учтены при подсчетах) пришлось 185 предложений, которые сводились к следующим областям деятельности: агитационно-пропагандистская (67), организационно-партийная (32), женская (13), профсоюзная (12), советская (12), политико-просветительская (11), организационно-агитационно-пропагандистская (4), организационно-пропагандистская (4), кооперативная (4), пропагандистская (3), низовая массовая (3), «в печати» (2), культурно-просветительная (2), низовая партийная (2), газетная (1), литературная (1). Как видно из списка, половину выпускников рекомендовали в сферу агитации и пропаганды, а еще почти четверть — на организационно-партийную работу. И те и другие при всех отличиях попадали в одну категорию — партийных чиновников. Гораздо меньше внимания уделялось профсоюзной и советской сферам работы, хотя влияние партии в них к этому времени было уже господствующим. Основная часть кадров советского и профсоюзного управленческого аппарата формировалась иными способами.

У нас будет еще возможность сравнить предполагаемые результаты этого распределения с более поздним — весны-лета 1926 г., а пока обратимся к характеристикам, которые получили выпускники конца 1925 г. Все без исключения характеристики были весьма краткими и выглядели примерно так: «Сравнительно выдержан, в исполнении партийных обязанностей не был достаточно аккуратен. В университетских организациях не участвовал и мало себя проявил. Взаимоотношения с товарищами удовлетворительные». Обладателя такой характеристики рекомендовали на газетную и советскую работу. Все кандидаты были достаточно или сравнительно выдержаны, дисциплинированы, у большинства сложились хорошие отношения с товарищами, они хорошо разбирались в политике или интересовались партийными вопросами, активно или просто участвовали в студенческих организациях. Из двух десятков отрицательных мнений, кроме упомянутых уже недостаточной аккуратности и неучастия в университетских организациях, можно выделить следующие: отсутствие достаточного опыта партработы, слабоволие или, наоборот, излишняя самоуверенность в решении вопросов, высокомерие или замкнутость в обращении с товарищами. Одному выпускнику записали, что он «в партийной политике по крестьянскому вопросу имел неправильный уклон». Тем не менее все были признаны годными для работы в агитационно-пропагандистских или управленческих структурах. Какой-то закономерности между существованием отрицательных характеристик и сферой работы выявить не удалось за одним исключением: на низовую партийную и массовую работу получили направления только те лица, в характеристиках которых содержались перечисленные замечания.

Таким образом, случай с Муравьевым и Фрумкиной оказался в общем-то типичным. Те, кто доходил до распределения, без назначения не оставались.

Теперь проанализируем подобное распределение, которое состоялось летом 1926 г. Данные о нем содержатся в таблице, сохранившейся в одном из архивных дел,²¹ которую для краткости и удобства условно назовем «Списком». Он более информативен по сравнению с предыдущими документами, ибо кроме графы о предполагаемой сфере деятельности здесь имеются сведения и о том, куда, в какую сферу хотели бы распределиться сами выпускники. Сравнение этих данных дает возможность увидеть степень совпадения и различия самооценки и оценки руководства. Принимающая организация, как правило, учитывала рекомендации комиссии, поэтому несовпадение оценок потенциально способствовало снижению эффективности в будущей работе.

Выпускникам предоставлялось право указать также не одну, а несколько областей работы. 14 человек не смогли или не захотели самоопределиваться. Впрочем, часть из них собиралась в Красную Армию, поэтому они сознательно ставили прочерк в данной графе. Остальные 277 студентов высказали 343 пожелания. Диапазон был широк: от хозяйственной до комсомольской работы, 6 человек согласились ехать «по усмотрению администрации», а одна выпускница выразила желание «работать среди морозов». Все же большинство остановилось на двух направлениях: организационно-партийная работа — 167 человек и агитационно-пропагандистская — 83. Как видим, ориентиры несколько поменялись по сравнению с предыдущим выпуском. Там больше бывших студентов видели себя агитаторами и пропагандистами, здесь — партийными организаторами. Все остальные области приложения сил вызывали малый интерес: хозяйственная — 20, профсоюзная — 14, остальные (включая советскую) — менее 10 пожеланий.

Комиссия по распределению в университете распорядилась иначе, дав 435 рекомендаций 289 студентам. Правда, в 179 случаях мнения той и другой стороны совпали, но акцент был смещен в конце концов в сторону агитационно-пропагандистской деятельности (206 рекомендаций), за нею следовала организационно-партийная (152). Со значительным отрывом шли политпросвет — 32, советская — 22 и профессиональная работа — 14. Никого не рекомендовали на хозяйственную, комсомольскую, газетную работу и лишь одного человека — «по линии женотделов».

Сравнение с данными предыдущего распределения показывает, что руководство университета проводило политику, направленную на первенство агитационно-пропагандистской работы над организационно-партийной и на значительный отрыв их от остальных видов деятельности, что вполне согласовывалось с основными задачами, стоявшими перед комвузами.

«Список» дает еще редкую возможность сравнить три позиции: 1) из каких мест приехали «зиновьевцы»; 2) куда они хотели бы распределиться; 3) куда их направила комиссия университета. Сведя большинство сведений в несколько значимых территориальных и иных групп, получим следующую таблицу 2.

Сравним сначала данные, расположенные в первых двух колонках. Для этого содержащиеся здесь сведения объединим в три группы, отвечающие на вопросы: куда бывшие студенты меньше всего хотели возвращаться; куда возвращалось примерно столько же, сколько оттуда и прибыло; и наконец, куда стремилось большинство выпускников.

К первой группе относятся две организации: ЦК и СЗБ, и территория Северо-Запада, включая Ленинградскую губернию, но исключая Ленинград. Отсюда было направлено гораздо больше курсантов, чем оказалось желающих вернуться. ЦК обеспечивал всесоюзное распределение, поэтому можно было попасть в такие места, куда ехать не было никакого желания. Та же причина лежала в основе неприязни к СЗБ, с той лишь поправкой, что территория сужалась до пределов Северо-Запада, куда тоже ехать не хотелось, видимо, главным образом по причине не лучшего климата и продовольственного состояния. Игнорирование конкретных губерний этого региона только подтверждает это предположение.

Ко второй группе относится Украина, откуда приехали 32 человека и куда собирался 31 человек. Причем не все приехавшие хотели вернуться, так что стимулом к выбору этого места работы была, по нашему предположению, опять-таки возможность более удобной — с климатической и продовольственной точек зрения — жизни. В эту же группу

вошли военные органы. Количество прибывших и возвращающихся совпадает, но по фамильное сравнение показывает также, что и здесь были замены.

Таблица 2

Распределение выпускников университета в 1926 г.

Наименование группы	Кол-во приехавших	Кол-во желающих ехать по распределению	Кол-во получивших направление
ЦК	46	15 (из них 12 — в Москву)	72
СЗБ	5	1	40
Северо-Запад (без Ленинграда и губернии)	22	4	1
Ленинград- ская губ.	26	3	45 (общее количество с Ленинградом)
Ленинград	13	93	
Украина	32	31	11
Юг России	3	26	2
Северный Кавказ	2	23	4
Урал	7	22	5
Сибирь и Дальний Восток	7	30	5
Политуправление и Красная Армия	16	16	45

Наконец, третья группа. Она очень различна по территории и по причинам притяжения. В Ленинград стремилась треть выпускников. Объяснять это только более приличной городской жизнью, вероятно, будет неправильно, хотя этот фактор играл существенную роль. Важно, что здесь можно было легче и разнообразнее приложить полученные знания, сделать карьеру. Наконец, кто-то просто обзаводился семьей и не желал покидать насиженное место.

Урал, Сибирь и Дальний Восток притягивали, с одной стороны, романтиков, готовых по зову партии строить новую жизнь в трудных условиях. Почему-то Север или Северо-Запад в данном случае таким критерием не обладали. Возможно, кто-то рассчитывал и на быстрое возвращение в европейскую часть России, благо работа на Урале и за Уралом могла стать неплохой ступенькой для будущей быстрой карьеры.

Хотя все это предположения, но, на мой взгляд, они не лишены оснований, а разнообразие желаний свидетельствует о имеющейся дифференциации среди выпускников Зиновьевского университета.

Сопоставление сведений, содержащихся в третьей колонке, с данными из первых двух приводит к выводу о том, что комиссия по распределению руководствовалась разрядкой ЦК и распоряжениями СЗБ, а не желаниями выпускников. Принцип обязательного возвращения новых управленцев в «родные пенаты», как это практиковалось раньше, тоже выдерживался не всегда. Период почти повсеместного хронического дефицита руководящих партийных кадров уже миновал.

Первоначальным распределением занималась комиссия из представителей университета, ЦК, СЗБ, Ленинградского губкома и студентов. Здесь указывалась общая разрядка (в ЦК, СЗБ, ПУР и т. д.), а конкретное место и должность определяли уже те организации, в ведение которых переходили выпускники. Так, из приложения к протоколу заседания секретариата СЗБ от 18 января 1926 г. явствует, что из 46 «зиновьевцев» 23 человека направлялись в Ленинградский, 5 — в Псковский, по 3 — в Череповецкий и Новгородский губкомы и в Карельский обком, 2 — в Мурманский губком. В агитпропгруппе СЗБ оставались пятеро выпускников и один распределялся сюда же на оргпартработу. Наконец, пять человек шли в ГПУ.²² Большинство выпускников получили те направления работы, которые были указаны в рекомендациях комиссии.

Не все выпускники и не всегда оставались довольны решением комиссии, и по этому поводу нередко возникала переписка. Причины недовольства были разными. В один и тот же день, 20 января 1926 г., в СЗБ поступило несколько заявлений от выпускников университета. С. А. Зельдин просил не направлять в Карелию, так как в Ленинграде находилась его семья: двое маленьких детей и работающая жена. Последнее обстоятельство было также немаловажным — в условиях значительной безработицы. «Имея в виду, что из остающихся в Ленинграде зиновьевцев вполне возможно заменить меня более подходящей кандидатурой, я бы просил секретариат меня оставить здесь в Ленинграде, притом на организационно-партийной работе», — писал Зельдин. Но в просьбе ему было отказано. Напротив, другое прошение секретариат удовлетворил. П. И. Михайлов, распределенный в агитпропгруппу СЗБ, желал уехать в распоряжение Каробкома, который, к тому же, поддержал просьбу бывшего студента. Свое желание Михайлов также мотивировал наличием семьи, но уже в Петрозаводске. Одновременно он просил перевести его из пропагандистов на оргпартработу, ибо до университета имел опыт хозяйственной, профессиональной и организационно-партийной работы, а во время учебы не руководил кружками и школами. Более того, университетская комиссия рекомендовала его именно на организационно-партийную работу.²³ К сожалению, из имеющихся документов нельзя определить, как секретариат отнесся к этой просьбе.

Эти материалы наглядно демонстрируют, что из коммунистического университета (и не только Ленинградского) выходили не бездушные «проводники линии партии», а живые люди со своими устремлениями, желаниями и запросами. Их психологические характеристики накладывали отпечаток на их деятельность в аппарате власти и управления, а значит, и на процессы, происходившие в стране.

Несмотря на наличие формальных ограничений, рабоче-крестьянский состав комвузовцев был заметно «разбавлен» служащими. В большинстве своем выпускники распределялись на партийную, а не на советскую работу. По мере укрепления бюрократического аппарата им приходилось начинать свою карьеру с более низких, чем раньше, ступеней чиновничьей лестницы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Чиждова Л. М.* Из истории подготовки партийных работников (1921–1925 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1968. № 6; *Андрухов Н. Р.* Партийное строительство после Октября. 1917–1924 гг. М., 1973; *Леонова Л. С.*

1) Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1921–1925 гг.). М., 1972; 2) Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. 1917–1975. М., 1979; Довольно полную библиографию по этой теме см. в работе Л. С. Леоновой «Исторический опыт...».

² *Леонова Л. С.* 1) Из истории подготовки... С. 180; 2) Исторический опыт... С. 171.

³ Руководящие кадры РКП (большевик) и их распределение. 3-е изд. М.; Л., 1925. С. 165.

⁴ *Леонова Л. С.* Из истории подготовки... С. 92–93.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов СПб. (далее — ЦГА ИПД СПб.). Ф. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 10 об.

⁸ Там же. Д. 27. Л. 114 об.

⁹ *Вавилин И.* Наше студенчество и практическая работа // К пятилетию Коммунистического университета им. тов. Зиновьева. 1921–1926. Л., 1926. С. 18.

¹⁰ Под «прочими» обычно понимали интеллигенцию. Однако изучение материалов распределения «зиновьевцев» в 1926 г. показывает, что в «прочие» записывали себя некоторые партийные кадры.

¹¹ *Драницын С.* Из истории Коммунистического университета им. т. Зиновьева // К пятилетию Коммунистического университета им. тов. Зиновьева. С. 15.

¹² *Леонова Л. С.* Из истории подготовки... С. 47.

¹³ ЦГА ИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2798. Л. 6.

¹⁴ Там же. Д. 27. Л. 34.

¹⁵ Там же. Л. 45.

¹⁶ Там же. Д. 75. Л. 25.

¹⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 115. Л. 47. Немного ранее, 26 февраля, бюро Ленинградского губкома по докладу ректора университета С. И. Канатчикова об оппозиционных группировках в Зиновьевском университете решило передать расследование по делу «Рабочей правды» в ГПУ. Вероятно, в июньском решении бюро речь идет о другой группе студентов.

¹⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 224. Л. 28.

¹⁹ Там же. Д. 2276. Л. 9.

²⁰ Там же. Д. 2472. Л. 6–21.

²¹ Там же. Л. 65–72 об.

²² Там же. Л. 39.

²³ Там же. Л. 51 об.

С. В. Яров

ОПРАВДАНИЕ ДИКТАТУРЫ: ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ИМПРОВИЗАЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917–1920-х гг.

Защита жестких мер власти, оправдание ее отказа сотрудничать с другими политическими силами, разъяснение необходимости диктатуры являлись важными элементами пропагандистских стратегий в первые послереволюционные годы. Форм, посредством которых осуществлялись эти стратегии, было много. Знакомясь с ними, можно обнаружить и умелую руку публициста, фабриковавшего сплошь заполненными клише листовки, и импровизацию дилетанта, чрезмерно упростившего попавший к нему